

Л
Ю
Т
Т
О
Л
И

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СУМЕРКИ

КРИМИНАЛЬНАЯ САГА

СЕРИЯ "РУССКИЙ ЛЮБОВНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ

РОМАН ОТ ДЮТТОЛИ"

Люттоли

Петербургские сумерки.

Часть 1. Морда Принцешная

Серия «Триллер Люттоли»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48575186
Петербургские сумерки / Люттоли: Авторское; 2019

Аннотация

Петербург. 1870 год. Преступления приобретают деловой оттенок. Грабежи и убийства поставлены на поток. Даже чайные и кондитерские скупают краденые товары. Вблизи города появляется целое поселение убийц душегубов.

Впервые в России создана сыскная полиция под руководством опытного сыщика Крамилина. Обстановка сложнейшая. Душегубы зверствуют безо всякого ограничения. На помощь Крамилину приходит известный вор-карманник по кличке Герцог, которого в полиции именуют не иначе, как: «Морда принцешная».

Основано на реальных исторических событиях.

Содержание

Пролог от Автора	4
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	46
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Серия «19 век от Люттоли»

Петербургские сумерки. Первая часть: «Морда Принцешная»

Пролог от Автора

Я ни в какой части не пытаюсь претендовать на историческую точность, но в полной мере собираюсь отразить те далёкие события.

Сначала немного нужной информации для понимания причин, побудивших к написанию этого романа.

Я усиленно изучал криминальную среду и знаменитых преступников Англии девятнадцатого века для своей серии английских романов. Она мне казалась наиболее интригующей. Но ровно до того момента пока случай не открыл мне глаза на события той же эпохи в другой части света, перед которыми блекли все мыслимые и немыслимые преступления. Даже такой персонаж как Джек-Потрошитель показался вполне безобидным существом на фоне того, что происходило в Санкт-Петербурге во второй половине девятнадцатого века.

Сначала я просто не поверил. Поэтому перепроверил сведения из разных источников. В той или иной части многое подтвердилось.

Попробую очень коротко передать свои впечатления:

Начало второй половины девятнадцатого года. В Санкт-Петербурге, с населением меньше одного миллиона человек, явно и не явно орудуют более пятидесяти тысяч преступников. Все они разделены на иерархические группы в системе криминального общества столицы: от мелких воришек, которые тащат хлеб, муку и прочие припасы, до карманников, мошенников, грабителей, нескольких разновидностей душегубов, которые убивают ради того, чтобы стащить сапоги или получить полтину на выпивку. Возникают целые поселения с убийцами. Скупкой краденным занимаются даже чайные и кондитерские.

Преступные воротила, промышляющие торговлей наркотиками и контролирующие несколько тысяч проституток. И, как минимум, четыре крупные организованные бандитские группировки.

Это далеко не полный перечень преступного сообщества.

На мой взгляд, ни до, ни после, нигде и никогда не создавалась такого масштаба криминальная среда.

Первая книга – лишь предисловие. Я хочу показать, как всё начиналось в нашей истории.

Текст авторский без правок. Как и всегда. За любые ошиб-

ки заранее прошу прощения.

Глава 1

Вторник. Шестое декабря

1870 года. Санкт-Петербург. Сенная площадь

Ранним утром шестого декабря на Сенной площади раздались истошные вопли:

– Караул! Караул! Душегубство!

Следом раздался пронзительный свисток. Откуда-то издали отозвались схожие по звуку свистки. По прошествии небольшого времени прибежал первый жандарм. А следом и второй не замедлил появиться. Оба, как и положено, в шинелях с погонами, тёплых сапогах и фуражках. Фуражки пришлось снять по причине уважения к покойнице.

Прямо на земле лежала голая девушка лет двадцати или чуть больше с запорошенным снегом лицом. Волосы, отчасти тоже в снегу, разметались вокруг головы. Один глаз был широко открыт. Второй вывалился из глазницы и висел на жилах. Руки, сжатые в кулачки, лежали вдоль тела. Ноги были широко раскинуты в разные стороны и согнуты в коленях.

Над телом стоял дворник в фартуке и с метлой. Чуть поодаль, у дверей церкви Спаса на Сенной непрерывно крестился батюшка.

Именно дворник обнаружил мёртвое тело. Не меньше полсотни народа видели его и раньше, но ни один не удосужился обеспокоиться. В то утро, на площадь привезли для торговли сено и дрова. Кроме того, прибыли телеги, гружённые свежим мясом курицы, гуся, индейки и поросёя. Муки привезли, молочка, круп да рыбы. Мужчины в тулупах подводили лошадей под уздцы к торговым рядам. А женщины в душегрейках неторопко раскладывали свои товары на прилавках.

Глядя на всю эту неторопливую возню, создавалось впечатление, что они попросту не замечают покойницу под самым своим носом.

Один из жандармов, унтер-офицер полиции Авдейкин, надел фуражку и зычным голосом обратился к торговой публике.

– Видал кто, как погубили молодуху?

Повсюду тишина. Ни голоса. Ни даже взгляда в сторону жандармов. Так они и не ожидали услышать свидетеля! Убийства здесь происходили столь часто, что на них попросту перестали обращать внимание. Если кто и видел, что случилось, так дожидаться от таких помощи представлялось задачей невыполнимой.

– Чего делать? Оставим здесь иль как? – спросил второй жандарм.

– Спешите в Съезжий дом на Второй Адмиралтейской. Там сыскная полиция теперечи. Велели любое душегубство их-

нему начальству Крамилину сообщать.

– С версту идти!?

– Положено!

Второй жандарм, придерживая рукой фуражку, чтобы не сдуло ветром, побежал выполнять приказ. Авдейкин устремил взгляд полный надежды на дворника. Тот отрицательно покачал головой.

– Чего удумал?! Сам за ней гляди. У меня дел с Николаеву гору.

Дворник ушёл. А вот Авдейкин, делать нечего, остался. Мороз стоял нешуточный, оттого и пришлось прохаживаться, одновременно наблюдая, чтобы никто и близко не подошёл к следам душегубства. Забота излишняя. Вокруг не помышляли даже беспокойством.

Все и каждый продолжали заниматься своим делом, не обращая на происходящее ни малейшего внимания. А вот Батюшка подошёл и озадачил отпеванием.

– Душа заблудшая! Но отпеть надобно. Негоже вот так оставлять!

Авдейкин отрицательно покачал головой.

– Не положено! Начальство должно прибыть!

– Так я в церкви буду! Кликнешь коли что?

– А то, как же! – пообещал Авдейкин.

Час спустя на двуколке прибыл начальник недавно сформированного сыскного агентства Пётр Андреевич Крамилин. Вместе с ним прибыл обер-офицер полиции по особым

поручениям капитан Соколов. А следом подъехала и телега. И там, и там, на козлах сидели жандармы.

Одновременно начали появляться первые покупатели. Завидев тело, они с ужасом шарахались в сторону, но чуть позже уже торговались за курочку или поросёнка без всякого внимания на убиенную.

Крамилину минуло пятьдесят годков. Он по праву считался одним из самых опытных сыщиков в городе. Последние два десятилетия гонялся и успешно ловил всякого рода «непопулярную публику» как любил говаривать он сам. Это был человек с добродушным лицом и густой бородой. Особенно пышно борода росла у висков. Одет он был в тёплое чёрное пальто, шапку и сапоги. На руках перчатки. Ещё он носил очки, и протирал их так часто, как только мог. Однако без особой надобности.

Крамилин с Соколовым подошли к Авдейкину. Тот вытянулся в струнку и козырнул.

– Что известно?

– Так ничего. Ваше благородье ждали!

– Видел кто, что случилось?

Авдейкин развёл руками.

– Понятно! Что скажете, Пал Палыч? – обратился Крамилин к своему спутнику.

Тот даже думать не стал. Только рукой махнул.

– Ещё одна продажная девка! Решила подзаработать, и на-
рвалась.

– Поза действительно располагает к таким выводам, – согласился Крамилин. – Создаётся впечатление, что она сама легла и сама раздвинула ноги, – Крамилин встал на одно колено, и стал стряхивать перчаткой снег с тела. Затем очень внимательно осмотрел тело.

– Никакой продажности здесь и не пахнет. Скорее всего, девственницей была и нарвалась на двух или более Гайменников. Только эти на беспричинные зверства способны. Ограбили, насилие свершили, глаз вырвали, а потом убили.

Крамилин поманил двух жандармов прибывших с телегой, и приказал увезти тело в больницу.

– Передайте Антонову, чтоб как следует её осмотрел! – добавил он.

Как только тело унесли, Крамилин повелел Авдейкину родственников привести при необходимости.

– Если кто обратится насчёт пропажи девушка от восемнадцати до двадцати пяти лет, немедленно дайте знать.

– Слушаюсь, ваше благородь! – Авдейкин с готовностью вытянулся. Крамилин же остался, чтобы ответить на вопросы своего коллеги. Тот понять не мог, откуда такие выводы делаются.

– Бёдра слегка смазаны кровью. Очень похоже на потерю девственности. У локтя синяки. Очевидно, что её хватали. Потом, руки, зажатые в кулачки. В том месте, где пальцы касаются ладони остались капли крови. По-видимому, ей было больно. Очень больно. Раз уж так сильно вонзила ногти. Да-

лее, видны по бокам следы ударов с левой и правой стороны. С правой стороны, они гораздо отчётливее. Скорее всего, её били сапогом, когда насильовали в первый раз. А уж во второй раз она не могла оказывать серьёзного сопротивления, поэтому и удары слабее. Думаю, очень скоро к нам придут безутешные родители. Ну, а до той поры, попросил бы озаботиться свидетелями. Ваша левая сторона. Моя правая сторона. Обходим всех торгашников. Может, кто и шепнёт чего по секрету.

Сказано. Сделано.

Крамили́н подошёл к прилавку, на котором ровными рядами были разложены аппетитные поросята. Маленький мужичок с густой бородой сразу замахал руками.

– Видать не видывал. Слышать не слыхивал!

– Так я за поросём! – изобразив на лице удивление, ответил Крамили́н. Мужик сразу заулыбался и начал расхваливать свой товар. Тот слушал и ждал удобного случая, чтобы разговорить торговца.

– Двадцать копеек дашь, если расскажу, как было? – раздался над ухом шёпот. Крамили́н покосился на молодого парнишку в полушубке, который слонялся вокруг него и незаметно кивнул. Тот прошёл мимо него и успел шепнуть.

– Обнимешь как родного, от греха подальше!

Парень прошёл вперед, потом развернулся и направился напрямик к Крамили́ну.

– О, дядь Коль?! Ты, что ли? – он потянулся и обнял Кра-

милины. Тот тоже обнял паренька.

– Жди! Дам знак куда идти!

Парень отстранился и, улыбаясь, вразвалочку двинулся вдоль торговых рядов. Крамилин обернулся и дал знак Соколову. Тот сразу подошёл.

– Есть свидетель! – тихо шепнул Крамилин. – Ждём. – Потом возвысил голос и, указывая на одного из поросят, добавил: – Покупаю!

– Если целковые не потерял?! – раздался чей-то голос.

Вокруг Крамилина грянул хохот. Он спохватился и полез в карман. Бумажника на месте не оказалось. Он в ярость пришёл, когда сообразил, что его какой-то мальчишка самым наглым образом ограбил. Да ещё при всём народе.

– Сколько с собой денег? – спросил он у Соколова.

– Рубля три!

– Давай!

Крамилин взял деньги и, показывая их всем, закричал:

– Три рубля тому, кто назовёт имя!

Все хорошо понимали о ком речь. Крамилин оглядывал ряд за рядом, пока не заметил рослого мужика. Тот держал под уздцы лошадь и отчётливо показывал себе за спину.

– Стойте здесь! – бросив эти слова Крамилин быстро ушёл. Через минуту он уже стоял возле стога сена.

– Три рубля! – раздался откуда-то сбоку тихий голос.

– Сначала имя!

– Герцог кличут! Топтун с ым сюды приходят!

– Знаешь, где найти?

– Господь миловал! – раздался в ответ испуганный голос.

Крамилин протянул деньги. Кто-то выхватил их у него из рук. Он вышел и показал рукой Соколову, чтобы присоединился к нему.

– Видел?

– Видел! – Соколов кивнул.

– До чего же ловок чертёнок! – восхитился Крамилин. – Ничего вообще не почувствовал. А ведь сам всех учу, как деньги носить, чтоб Моравихеры не уподобились забрать.

Соколов то и дело смеялся, слушая начальника. Они сели в двуколку. И тут откуда-то вынырнул Авдейкин с дворником. Крамилин подозвал к себе Авдейкина.

– Слышал о таком, Герцог кличут?

– А как же?! – самодовольно ответил Авдейкин, – У его морда принцешная...

– Морда принцешная?... Ну да, парень красивый, но вот живёт совсем некрасиво. Знаешь, где найти?

– Так мы его сами второй год ищем, ваше благородь!

– Так не надо искать. Не надо. Он под твоим носом шляется, и порядочных людей грабит.

Последние слова вызвали смех у Соколова. Двуколка тронулась в обратный путь.

Глава 2

Герцог

Тот самый Герцог, столь лихо обокравший Крамилина, сделал несколько кругов, дабы убедиться, нет ли за ним хвоста. Потом вытащил из кармана украденный бумажник и осмотрел содержимое. Всего семнадцать рублей. Он забрал деньги, а пустой бумажник хотел выбросить, но передумал и положил обратно в карман. Сделав небольшой крюк, он юркнул в жёлтое трёхэтажное здание позади гауптвахты с номером «3», между Конным и Спасским переулками.

Весь второй этаж занимал трактир. Именно туда он и направлялся.

Происходящее в трактире могло внушить ужас даже самому смелому человеку. Все столы забиты мужчинами, из числа, мягко говоря, не совсем приятной публики. Угрюмые лица зачастую с хищным взглядом, густой туман под потолком от табачного дыма, водка с закуской на столе, сплошной мат и ругань, переходящий частенько в драки. Относительно спокойными выглядели всего лишь два стола, за которыми играли в карты. За одним из них сидел здоровенный детина с мощной квадратной челюстью и огромными кулачищами. Он первым заметил нового посетителя.

– Герцог! Отец родной! Выручай! Проигрался до послед-

ней копейки! – заорал он так громко, что мужик рядом аж в воздух подскочил.

– Кабан! Ты с прошлого раза долг не вернул! – с недовольством обронил Герцог, делая знак официанту. Тот мигом пристроил стул рядом с Кабаном, и побежал готовить кофею. Тут все знали, что Герцог пьёт только кофей. Спиртное он на дух не выносил.

Герцог вытащил из кармана добытые семнадцать рублей и положил их на стол перед Кабаном.

– Это тебе от главного Свисткового подарочек! Рубль «Подачному» отдашь.

– Врёшь! Не поверю, что самого Крамилина обтёр? – Кабан переводил взгляд с Герцога на деньги. В зависимости от того на что он смотрел, в глазах алчность сменялась удивлением и наоборот.

– Обтёр! Мысль давно была. А вот сегодня получилось.

– Ну, ты... – Кабан даже слов от восхищения подобрать не мог. И поэтому не стал. – Играю дальше! – захохотал он на весь трактир.

– Кофей бразильский!

Официант, или тот самый Подачный, как его именовали некоторые посетители, принёс чашку с клубящимся над ней паром, и благодарствуя Герцога, забрал свой кровный целковый.

Карточная игра закипела с азартом. Герцог, усмехаясь, смотрел, как Кабан снова начал проигрывать. За соседним

столом тоже шла игра. А вот дальше намечалась очередная драка. Пятеро стояли вокруг стола. Двое по одну сторону, трое по другую. Чего-то там не поделили. Оттого и смотрели друг на друга волком. Герцог знал всех пятерых. Да, он тут всех знал.

Вскоре, он понял, о чём спор. Те двое требовали продолжить игру в долг, а трое отказывались.

– На стол положи иль сани выноси! – говорил один из тех троих.

– В долг играем! – раздался злой ответ. – Иль ляжете с той паскудиной, что аккурат на площади сегодня уложили.

Ещё немного, и началась бы драка. Но поскольку троица держалась жёстко, эти двое отступили.

– Завтра. В два часа. Играем!

Бросив эти слова оба ушли. Герцог проводил их взглядом, и в этот миг уловил взгляд официанта. Тот поднял голову, указывая на этаж выше, и повёл головой вправо.

Герцог незаметно кивнул. Стараясь не привлекать к себе внимания, вышел, и поднялся по лестнице. Третий этаж целиком занимали публичные дома. Полуобнажённые проститутки так и шныряли по коридору, высматривая посетителей. Заметив Герцога, сразу несколько жриц любви направились к нему. Но тот слегка повёл головой в сторону. Этого хватило, чтобы они не только остановились, но и повернулись к нему спиной. Этот короткий жест означал, что он пришёл не для забавы. Лихие девки безошибочно признали

в нём одного из тех парней, с которыми не стоит связываться.

Герцог прошёл до середины коридора и остановился возле полуоткрытой двери. Потом вошёл в узкий коридор и заворил за собой дверь. Справа и слева от двери, на стенах висели одинаковые картины. Он снял со стены ту, что справа. Под ней оказалась квадратная дощечка с ручкой. Взявшись за ручку, он слегка отодвинул её в сторону. В просвете показалась вешалка, на которой висели касторый пиджак и богатое, подбитое мехом пальто. За ними мелькнуло мужское лицо с неприятной бородавкой на левом виске.

Герцог ещё немного отодвинул дощечку и приложился глазом к просвету. Слева от вешалки, в дальнем углу стояла кровать. На ней лежала обнажённая девица. А этот с бородавкой стоял рядом с ней.

Герцог бесшумно отодвинул дощечку почти наполовину, просунул в щель руку и начал стремительно обчищать карманы. Бумажник, часы, пачка ассигнаций и даже мелочь, перекочевали в его полшубок.

– Стерва! Грязь! – неожиданно заорал мужик с бородавкой.

– Так я в чём виновата, если у тебя не стоит?!

– Это у меня не стоит?! Это ты не способна доставить удовольствие!

Эти слова были сказаны с такой злостью, что Герцог заподозрил неладное.

Он собирался закрыть дощечку, но рука так и осталась

неподвижной, а взгляд неотрывно следил за происходящим.

Мужчина с бородавкой неожиданно согнулся и ударил кулаком по лицу девицы. Потом ещё раз и ещё.

Она закричала и попыталась увернуться. Тогда он схватил одной рукой её за волосы, а второй взял табурет, стоявший возле кровати, и со всей силы ударил им по лицу. Раздался хруст. Лицо мгновенно окрасилось в красный цвет. Захлёбываясь кровью, она снова сумела закричать, а он снова и снова бил её кулаком. Крики с каждым ударом затихали, переходя в болезненные стоны. Он навалился на неё, продолжая жестоко избивать и волосы вырывать на голове.

– Шлюха! Грязная тварь! – кричал он, врываясь в неё раз за разом мощными толчками и осыпая ударами окровавленное лицо. – У меня не стоит?! А кто тебя сейчас имеет?! Ты ничто, а я граф Эссен! Я – граф Эссен! – повторял он, снова и снова вторгаясь и одновременно жестоко избивая её. Потом ухватился руками за горло и начал душить.

Герцог не стал ожидать развязки. После такого мало кто вообще выживал. А подобные случаи являлись не редкостью. Он закрыл дощечку и бесшумно вышел в коридор. Все девицы разом отвернулись. И крики они наверняка слышали. И понимали, что происходит рядом с ними. Но никто и пальцем не пошевелил. Здесь жизнь проститутки не стоила ничего. Даже гроша ломанного. Малейшая ошибка, и они сами могли оказаться в руках «чёрного извозчика». Так называли извозчиков, которые за небольшую плату забирали

тела и сбрасывали их на болотах за городом или в каналы, которых имелось множество. И эту несчастную ждала та же участь.

Герцог спустился вниз. Зашёл за прилавок. Его уже ждал официант. Он провёл его в маленькую комнату и затворил дверь. Герцог выложил всё, что украл и разделил на две равные части. Одну он оставил на столе, а вторую прихватил с собой.

Глава 3

Разные люди

Дом, в котором жил Герцог, находился недалеко от Сенной площади. Здесь, на осыпавшемся берегу Фонтанки среди множества уродливых по форме деревьев скрывались избы количеством не более двадцати штук. Избы с пристройками, двором, огородом и даже иногда маленьким садом. Жили в основном зажиточные и вполне мирные люди. Это определение в полной мере относилось и к Казарке, хозяйке дома, в котором оставался Герцог. Добрейшая женщина с множеством противоречивых качеств. Ещё с ней жил дед Макар. Герцог иногда использовал его в качестве подручного для своих дел. Они познакомились несколько лет назад. А после сдружились. Казарка смекнула выгоду от нового постояльца, а вскоре и привязалась к нему. Своих-то никого не было в пятьдесят пять лет. И Казарка, и дед Макар беспрекословно выполняли просьбы Герцога. Он же щедро делился с ними награбленным.

Не успел Герцог войти в жарко натопленную избу, как появилась низенькая женщина с лоснящимся лицом, оттопыренными по причине полноты ручками и коротенькими ногами по той же причине. Женщина выглядела очень нарядно. В красной щедро наборенной юбке и в ярко-красном

плюшевом кафтане. На голове красовалась атласная шаль того же яркого цвета. Это и была Казарка. Она обожала красный цвет, и никогда с ним не расставалась. В любой день, да чтоб без красного?! Считай, занемогла бы от расстройства. Её иногда так и называли «Красная баба».

На столе появился самовар, а следом и круглое блюдо с плюшками и внушительными впечатляющими кусками пышного пирога.

– Если что посурьёзней, скажи. Мясца заготовила, да и прочего немало, – Казарка указала рукой сначала на стол, а потом и себе за спину. – Банька топится. Венички из полыни новые. Сама тебя помою иль девок привести?

– Деда кликни! И писать на чём принеси! – ответил Герцог, выкладывая на стол выручку, добытую в публичном доме.

Казарка исчезла. Через минуту рядом с самоваром появился неровный кусочек бумаги и перо с чернильницей. Минутками несколькими явился и дед Макар. Он был приблизительно одного роста с Казаркой. Коротко остриженный с длинной седой бородой и торчавшими к носу усами. Вечный наряд деда – сапоги в гармошку, широкие шаровары, телогрейка и овчинный тулуп.

Герцог написал записку, свернул её и отложил на стол. Потом отсчитал семнадцать рублей ассигнациями, вложил их вместе с запиской в бумажник, снятый у Крамилина.

– Надо передать! – сказал он, протягивая бумажник деду

Макару.

Ближе к вечеру Крамилин сидел за столом в маленькой комнатке с единственным окном, покрытым инеем, и просматривал жалобы. Справа от него лежала большая стопка с бумагами. А слева поменьше. Ещё одна, совсем тоненькая, лежала перед ним. Он брал бумагу из правой стопки, просматривал, а потом либо перемещал влево, либо клал перед собой.

В дверь раздался осторожный стук.

– Сучкин! Входи! – не отрывая взгляд от документов, проронил Крамилин.

Дверь приоткрылась. Показалось лощёное лицо полицейского в синем мундире.

– Страшное дело, ваше благородь! – опасливо пробормотал Сучкин. – Тута к вам Сумрачная вдова припёрлась. Ведьма она. Сглазить могёт. Прогнать аль как?

– Зови, Сучкин, зови! – тяжело вздыхая, ответил Крамилин.

Сучкин везде видел ведьм и сглаз, и потому всякий раз усердно крестился. Тут уж ничего не поделаешь: человек суеверный! А вот про Сумрачную вдову Крамилин не раз слышал. О ней ходили самые мрачные слухи. Вроде как необычайно красоты и всегда в чёрном наряде ходит. А на голове шляпа с вуалью и красным траурным бантом. Этот самый бант по утверждению некоторых людей насылал про-

клятия.

Крамили́н почувствовал холодок, когда в комнату вошла гостья. Она в точности соответствовала слухам. Прекрасная и мрачная. Вся в чёрном. И шляпа с красным бантом вместо перьев. На вид ей можно было дать не больше сорока лет. От силы сорок пять.

Крамили́н поднялся ей навстречу.

– Графиня Кочергина! – представилась женщина.

– Много слышал о вас, но впервые имею честь! – Крамили́н придвинул табурет к столу, а потом, извиняясь, проронил: – Прошу прощения ваше сиятельство, но ничего лучшего здесь нет.

– Я не за удобствами пришла! – раздалось в ответ.

Графиня Кочергина опустилась на табурет.

– Чем имею честь? – приступил к разговору Крамили́н, возвращаясь на своё место.

В какой-то миг ему даже стало не по себе от взгляда графини. В глазах промелькнула какая-то зловещая искра.

– Мне нужно ваше слово. Ничто из сказанного не должно покинуть эти стены.

– У вас есть моё слово! – Крамили́н наклонил голову.

– Вы слышали, что произошло с моей семьёй?

– Не имею представления!

– Много лет назад их всех убили. Прямо на моих глазах. А меня жестоко избили, ... обесчестили и бросили умирать в болоте.

В памяти Крамилина забрезжило что-то знакомое. Он уже слышал эту историю. Но от кого...?

– Убийство на Невском! – подсказала графиня Кочергина.

– Верно! – воскликнул Крамилин. – Тогда были убиты восемь человек. Но это убийство произошло очень давно. Меня тогда вообще здесь не было. Я позже приехал.

– Семь! – поправила графиня Кочергина. – Я выжила!

– Вспомнил. Убийцы зашли в дом и всех перебили... прошу прощения, ваше сиятельство.

– Меня они забрали с собой еле живой. Остальных членов семьи тоже забрали...когда убили, и закопали где-то там же в болотах возле Горячего поля.

– Чего вы ждёте от меня? – прямо спросил Крамилин.

– Вас рекомендовали, как человека, способного сотворить даже маленькое чудо. Последние двадцать лет я безуспешно искала убийц. Чтобы узнать, где захоронены останки моей семьи, и наказать их. Ничего не изменилось. Если вы сумеете мне помочь с поисками, я заплачу вам за десять лет жалованья вперёд.

– Щедрое предложение. Очень щедрое! – вынужден был признать Крамилин. – Но я бы оказал содействие вашему сиятельству в любом случае!

– Так окажите, сударь! И не беспокойтесь о деньгах. У меня их достаточно. – Графиня Кочергина поднялась. Крамилин тоже встал и пошёл открывать дверь. – Я живу в нашем фамильном поместье. Вы можете отправить сообщение туда.

Или в наш дом на Невском. Я содержу его, но никогда там не бываю.

Крамили́н поклоном проводил её уход.

– Вот тебе и «Сумрачная вдова» – с откровенным сочувствием пробормотал он, закрывая дверь. – О ней невесть какие слухи распускают, а тут ужаснейшую трагедию пережила... жаль, очень жаль... Посмотрим, чем можно помочь.

Только он вернулся на место, как повторился осторожный стук в дверь.

– Да уж заходи, Сучкин! – раздражённо бросил Крамили́н.

Снова показалось блестящее потное лицо, и опасливый голос доложил:

– Пакет принесли, ваше благородь!

– Какой пакет? С заклинаниями?

– Избави Бог! – Сучкин трижды перекрестился.

– Так чего ж ты стоишь?! Неси! – прикрикнул на него Крамили́н.

Сучкин исчез. Через считанные минуты на стол Крамили́на лёг тот самый пакет. Он некоторое время рассматривал то, что перед ним находилось. А это была... обыкновенная и довольно неприятная на вид портянка, перевязанная крест-накрест тонкой верёвкой.

– Эка страсти, – пробормотал Крамили́н и без раздумий развязал верёвку, а потом и размотал портянку. Увидев, что находится внутри, сначала глазам не поверил. Это был его собственный бумажник.

– Неужто и деньги вернул?! – он открыл бумажник и сразу же издал изумлённый вздох. Деньги действительно лежали на месте. – Экая щедрость от вора... с чего вдруг? Или денег не доложил? Или взятку предлагает?

Он вытащил деньги. Вместе с ними выпала и бумага. «Послание для меня», – понял Крамилин. В записке сообщалось:

– Не должен тебе, Свистковый. А вот с тебя причитается. Получу при случае. Женщину на Сенной сегодня утречком убили братья Петровские. Точно. Будут завтра в два часа в трактире на Сенной Малине, позади Съезжатника. Через чердак побегут, если что, а оттуда вниз и в Мелочную лавку. Там комнатка за наваленными мешочками есть. А оттуда сразу на Горячее Поле подадутся. Не упusti их, Свистковый.

– Да этому чертёнку цены нет! – изумлённо выдохнул Крамилин.

То, что информация могла оказаться ложной, он даже мысли не допускал. Зачем тогда возвращать бумажник? Зачем указывать на преступников? Как сыщик, он не мог не осознавать ценность столь важного осведомителя.

«Вот бы с ним связь наладить?! – загорелся Крамилин. – Ой, как хорошо дела бы пошли...».

Глава 4

Белозёровы

Вечер шестого декабря 1870 года отметился ещё одним очень важным событием. Речь о помолвке Катерины Белозёровой с графом Эссеном. После долгих месяцев ухаживаний, одна из самых очаровательных и неприметных представительниц Петербургского света дала своё согласие на брак, уступив не столько очарованию графа, сколь требованиям строгого родителя. Капитолий Белозёров пребывал в настойчивости относительно благожелательного отношения к сватовству. Да и маменька, Софья Белозёрова с сёстрами, немало поспособствовали принятию решения. И понять их можно. Жених отличался не только родовитостью, но и немалым богатством. Катерина, хотя и одолеваемая сомнениями – уступила. Не принимая во внимание разницы в возрасте, равнявшейся двадцати годам с хвостиком, невыразительной внешности с мерзкой на вид бородавкой на лице, жениху были присущи ещё и два неприятных ей качества: чванливость и чопорность. Теми же качествами обладал родитель, и считал их неотъемлемой чертой любого мужского представителя высшего общества. Оттого и нашло в нём отклик сватовство. Они с первого дня сдружились с графом. После чего тот стал завсегдатаем в доме Белозёровых.

Катерина же не выносила эти качества. Ей нравились простота, лёгкость общения, искренность, даже если б выражалась в грубой, не слишком учтивой форме. Она всегда завидовала старшей сестре Ольге. Та обладала весьма решительным нравом, и вполне могла, не стесняясь, высказать своё недовольство в присутствии супруга или тех же папеньки с маменькой. Сама она никогда бы не осмелилась на подобный экскурс. Свои мысли и чаяния Катерина выражала, делая пометки на страницах любимых книг. Только с ними она жила, с ними она и мечтала. Жених стал самой важной частью её жизни, но ни в душе, ни в сердце для него и малого места не нашлось.

Даже в день своей помолвки, Катерина писала на страницах последнего из полюбившихся её романов под названием «Большие надежды». «Возможно ли представить человека со столь пламенным сердцем, идущего на любые жертвы и готового всю жизнь следовать за своей возлюбленной?! Я о таких и не слыхивала. Но будь он трижды кузнец, будь он кем угодно,... с тройною клятвою бы приняла...».

Катерина страдала, переживала, но именно таковыми являлись браки в обществе, оттого и приняла свою участь с молчаливой покорностью.

Прежде чем мы расскажем о самой помолвке, несколько слов о семье Белозёровых.

Глава семьи, Капитолий Андреевич Белозёров, являлся потомком боковой ветви графов Кочергиных, что свидетель-

ствовало о родовитости. Недостаточной для представления царственным особам, но вполне приемлемой для принятия в любой иной дворянской семье. Кроме благородных корней, Капитолий Андреевич сумел значительно увеличить состояние, оставленное ему отцом, занимаясь торговлей чаем и кофе. Нужда в них с каждым годом росла. А вместе с ней рос спрос на оные товары и доходы семьи. Что в конечном итоге и позволило с удобством расположиться в трёхэтажном особняке на Набережной реки Мойки в Адмиралтейской части Санкт-Петербурга.

В свои пятьдесят три года он оставался деятельным человеком и примерным отцом семейства.

Старшая дочь Ольга, когда ей минуло восемнадцать, была отдана в семью Маевских весьма родовитую и обеспеченную. Её супругом стал Фредерик Маевский. Он всего лишь на четырнадцать лет был её старше.

Вторую по старшинству дочь Анастасию выдали замуж через год, когда и ей исполнилось восемнадцать. Она стала супругой Анатолия Дубровина, чья семья владела ювелирными мастерскими, и была не столь родовитой как Белозёровы, но столь же богатой. Супруг на восемь лет был старше, и обладал рядом поистине выдающих качеств, среди которых терпение являлось наиболее заметным.

Ещё через год, аккурат в сегодняшний день шестого декабря, должна была состояться помолвка третьей дочери Катерины. Её брак обещал оказаться самым удачным. Ведь же-

них носил титул графа, был старше неё, но всё ещё молод, недурен собой и обладал просто неприличным состоянием, что в обозримом будущем могло проложить путь ко двору.

Младшенькая, Маша, собиралась замуж лишь на следующий год. Сестры были погодками. Сначала в семье появилась Ольга. Через год Анастасия. Ещё через год Катерина. А затем и Маша. Сёстры всегда были дружны и души не чаяли друг в друге. Связь только усилилась после замужества старших сестёр. Они приезжали к родителям так часто, как только могли. Супруги поощряли подобные визиты, поскольку были людьми занятыми. Сёстры продолжали проводить время вместе, как и во времена девичества Ольги и Анастасии.

И несколько слов о Софье Белозёровой, достойной супруге и заботливой матери, произведшей на свет четырёх прекрасных дочерей. Каждая из них пошла в мать: такая же статная, белолицая с голубыми глазами и русыми волосами. Именно красота в своё время покорила Белозёрова. Красавица с русской косой сразила его наповал, иначе он никогда бы не женился на дочери купца. Кстати будет упомянуть, что именно тесть помог ему добраться до вершин, на которых он обитал сегодня. У родителя супруги не имелось мало-мальски значимых корней среди предков, но определённо хранилась золотая кубышка, не раз выручавшая в трудных обстоятельствах. Софья Васильевна Белозёрова обладала удивительно мягким нравом, что позволяло всегда и с должным уважением относиться к упрёкам супруга, часто несправед-

ливым и обидным. Ей минуло сорок лет, но она оставалась столь же очаровательной, года не тронули её. В отличие от супруга, успевшего обзавестись солидным брюшком и очками.

Трёхэтажный особняк с двенадцатью комнатами и собственным двором с конюшенным сараем обслуживали восемь слуг. Среди них три горничные, двое слуг мужского пола, кои всегда пребывали в ливреях, повар, дворник, которому надлежало держать в чистоте и порядке весь двор, и следить за тем, чтоб с него не проникли в дом лихие люди. В среднем каждый из слуг получали чуть менее тридцати рублей в месяц, но стол и одежда в оклад не входили. Иными словами говоря, Белозёровы жили, как и большинство представителей высшего общества: красивый дом, большая прислуга и достойный выезд в город. Для последнего имелись четыре лошади, карета и сани. При них всегда находился кучер.

Сёстры играют важную роль в нашей истории, поэтому мы ещё ненадолго задержим внимание читателя. И обратимся мы к Ольге. Первенец семьи являлась и главной заводилой среди сестёр. Она обладала решительностью, упорством и старалась всегда ставить во главу вопроса своё собственное мнение. Сильный характер порой приводил к неприятным ссорам с супругом. Но Фредерик Маевский обожал супругу, оттого и не противился остаться в проигрыше. Стоило Ольге обиженно надуть губки, как все доводы переставали дей-

ствовать, и он бросался к её ногам, взывая о прощении.

Что же касается Анастасии, она не обладала столь же решительным нравом, но супруг оказался куда более покладистым человеком, нежели Маевский, оттого и положение в семье создалось отчасти похожее. Обе сестры достаточно прочно занимали первенство в браке, и пророчили ещё больший успех Катерине. Ведь её будущий муж был известен поистине ангельским нравом. Беседовать с ним всегда означало удовольствие. Граф Эссен неизменно был вежлив, любезен, и позволял любую вольность в своём присутствии, что особенно ценилось сёстрами.

Что же касается нрава Катерины, с рождения она страдала излишней скромностью, что являлось ни чем иным как стремлением к одиночеству. Ей тяжело давались любые новые знакомства. Катерина прекрасно владела речью, но часто сбивалась под мужскими взглядами, в особенности, если чувствовала к себе внимание. Оттого, порой, и выглядела неуклюже. Она была очень ранима, и остро воспринимала даже малейший упрёк в свой адрес. Стоило матушке разгневаться, как тут же длинные ресницы взлетали вверх, брови сдвигались к переносице, а в прекрасных глазках появлялись слёзы. А батюшке речь и вовсе не шла. Ибо стоило ему повысить голос, как она замирала, а тело охватывал холодный ужас. В городе старалась появляться как можно реже. Любимое занятие — делать пометки на страницах, отмечая достоинства и недостатки главных действующих лиц очередного

романа. Все её книги были исписаны мелким почерком. Тихая, чувственная мечтательница, далёкая от людской суеты, и оттого особенно уязвимая.

Одно дело мечтать, делать пометки на страницах, другое дело оказаться лицом к лицу с неприглядной правдой. И, конечно же, всегда в таких случаях мечты уходили прочь, даже не помыслив сопротивляться.

Маша, младшенькая, отличалась весёлым нравом и свободою выражений, что нередко приводило к наказанию со стороны матушки. Ей запрещали покидать комнату до той поры, пока она не заучит и не перескажет выраженные чуть ранее мысли в форме, приемлемой для благовоспитанной девицы.

Стоит упомянуть ещё об одной важной женщине, имеющей отношение к семейству, вдовствующей графине Кочергиной. Той самой, что беседовала с Крамилиным. По мнению главы семейства Белозёровых и по совместительству дальнего родственника, в свои сорок с небольшим лет, она вполне могла затмить некоторых представителей весьма известных семей. И не только могла, но и обладала возможностью наглядно продемонстрировать своё превосходство, имея доступ ко двору. Но ни красота, ни высокое положение, не могли повлиять на тот уединённый образ жизни, который она вела. Такое положение дел не могли не огорчать Белозёрова. Ведь Графиня Кочергина имела возможность исполнить его давнюю мечту, и представить семейство ко двору.

Ещё более огорчали его дурные разговоры. О ней в Петербурге ходили всевозможные слухи, один ужаснее другого. Её боялись. Её сторонились. И тому имелись косвенные причины. Графиня Кочергина всегда появлялась неожиданно, и всегда в мрачных чёрных нарядах. А чёрная шляпка с траурным бантом вместо перьев давно стала притчей во языцех. Ходили слухи, что в шляпке заключено страшное заклинание, способное убить любого, кто осмелится с ней заговорить.

И эти слухи возымели своё действие. Белозёровы стали побиваться её не меньше остальных. И всякий раз испытывали ужас, когда она появлялась. Обстоятельства осложнялись тем, что она являлась крёстной матерью Катерины, и потому навещала её изредка.

Вот коротко и всё о семье Белозёровых. А теперь наступила пора узнать, как же проходил вечер помолвки в доме Белозёровых.

Глава 5

Помолвка

Безветренно. Небольшой мороз. Ночная Мойка покрыта льдом и укутана лёгким снежным покровом с маленькими сугробами по форме напоминающую набегающую волну. Несколько мужчин и женщин катаются на коньках. Они смеются, даже когда падают. За балюстрадой набережная с протоптанными пешеходными тропинками. За дорожкой заснеженная дорога со следами от каретных колёс. На стыке между тропинками и дорогой, через определённые расстояния возвышаются чугунные столбы с газовым освещением. Оттого так светло вокруг.

За дорогой другие протоптанные тропинки. Но теперь они тянутся не вдоль балюстрады, а вдоль стен величественных трёхэтажных особняков с изысканной лепниной на фасадах. Особенно выделяется среди них один мягкого, голубоватого цвета с маленькими ангелочками, которые по замыслу архитектора должны поддерживать козырёк парадного главного входа, выходящего на набережную Мойки. На первом этаже окна только возле парадной двери. Но они есть на втором и третьем этажах. И ярко отсвечивают даже через покрытое инеем стекло. Барельеф и каменные подоконники местами запорошены снегом.

Остаётся упомянуть о четырёх каретах возле парадного входа с кучерами и трёх двуколках, что стояли чуть поодаль с потушенными фонарями, ожидая того самого долгожданного окрика: «Извозчик!»

Что же происходило в самом особняке?! Давайте войдём в вестибюль, минуем слугу в ливрее, поднимемся по лестнице, устланной мягкими коврами, и пройдем в праздничный зал, где происходили все события.

Всего три десятка гостей или чуть более. Мужчины большей частью во фраках темного цвета, женщины в самых разнообразных шелковых, муаровых, атласных нарядах и самых разных оттенков, однако же схожие между собой формой, необычайно модной этой зимой в столице. Узкие в талии, и далее расширяясь пышным колоколом благодаря корсету, ниспадают до самых щиколоток. Видны лишь носочки туфель. Рукава короткие с оборками на плечах или длинные с кружевным запястьем. Вырез на груди глубокий. Эта деталь верхней части платья вошла в моду недавно и поддерживалась в равной степени женщинами самых разных возрастов. Неизменным атрибутом являлись веер и миниатюрная расшитая жемчугом и шелком сумочка на изящной золотой цепочке, висевшая на запястье.

Для дам накрыли отдельный стол, куда подавались фруктовые напитки, чай, преимущественно китайский, и кофей, преимущественно бразильский. Немецкие и французские конфеты в красочной обёртке, сладости в виде румяной вы-

печки, а так же изюминка десерта – большой Петербургский торт, от которого каждый желающий мог отрезать себе кусочек. При этом, чем тоньше выглядел отрезанный ломоть, тем скромнее считалась дама. Мужчин это правило не касалось. Они могли себе позволить десертную трапезу вместе с дамами.

А вот дамы были лишены такой же возможности в отношении мужчин. В противоположном углу был накрыт ещё один стол. И там имелся ликёр с винцом. А так же приличествующая к ним закуска. Отдельно лежала коробочка с ароматным табачком и спички.

В то время, пока дамы обсуждали городские сплетни за чашкой чая, мужчины занимались... тем же самым, но только за бокалом вина или рюмочкой ликёра. Дамы сидели на стульях. Мужчины же вынуждены были стоять, ибо сидеть в присутствии дам считалось делом неприличным. Но разговор у них, безусловно, был куда важнее, поскольку пересуды касались публики не столь приятной для высшего общества. Именно это и происходило сейчас. Речь вёл Белозёр. А слушателями являлись действующие зятя Маевский с Дубровиным, будущий – граф Эссе, прибывший на торжество в блестящем чёрном фраке и почему-то пурпурной кружевной рубашке с облегающим шею воротником на золотой булавке. Ещё были Стопин с Легкорожевым, партнёры, с которым у Белозёрова имелись общие финансовые интересы. Но давайте послушаем, о чём возвещал хозяин дома с край-

не возмущённым видом.

– Доколе?! Доколе безобразие оное твориться будет в городе? Порядочным людям из дома выйти невозможно. А господин Полицмейстер словно и не замечает оборванцев, толпами снующих по улицам, и готовых обворовать любого среди бела дня.

– Шваль! И её следует немедленно выместить из города! – поддержал его граф Эссен. – Негоже нам с ними по одной улице ходить.

– Вот! – Белозёров с гордостью лёгким жестом руки указал на будущего зятя. – Именно об этом и шла речь у Полицмейстера. Но он наотрез отказывается выполнять свои обязанности, оправдываясь высокими словами о милосердии, снисхождении и сочувствии. Господа! О каком сочувствии может идти речь, если вас пытаются ограбить?! В таких случаях уместен лишь кнут! – с пафосом изрек Белозёров.

– Не от хорошей жизни, батюшка! Не от хорошей жизни! – подал голос Дубровин, слывший мягкосердечным человеком. – Иной раз и крошки хлеба не хватает. Чего ж им делать, несчастным?

– Пусть работать идут! Пусть честно трудятся! – ответил на это Белозёров. – Воровство ничем нельзя оправдать.

Разговор вынуждены были прекратить, поскольку в зале появилась невеста в сопровождении трёх своих сестёр. Дивный овал лица обрамляли русые локоны, а вырез платья был украшен живыми цветами. Катерина явилась в белоснежном

платье. А вот сёстры нарядились в голубое, салатовое и бордовое платья, чтобы подчеркнуть одеяние невесты.

Губы Катерины были слегка приоткрыты, а реснички вздрагивали и взметались вверх каждый раз, когда до неё доносились восторженные отзывы в свой адрес. Взгляд выражал одновременно смущение и некоторую неловкость.

Граф Эссен пожирал её глазами вплоть до того времени, пока она не взглянула на него. На лице невесты мелькнула лёгкая тень. Одного этого хватило, чтобы жених на всех парах поспешил к ней. Он произнёс приличествующие случаю слова, отмечая достоинства невесты и выражая благодарность за оказанную честь.

Не будем всего пересказывать, ибо происходящее являлось обыденным на всех подобных событиях. Остановимся лишь на главном. После соблюдения всех формальностей и обмена любезностями, жених надел кольцо на руку невесты, а затем поцеловал обе её руки вместо одной, что считалось небольшой, но вполне допустимой вольностью. Далее Катерина взяла его под руку, и они уже вместе продолжили торжество.

В разгар праздника прибыл Соколов. Он доводился племянником Белозёрову. Правда, приезжал в гости редко по причине загруженности в работе. Он передал слуге шинель с фуражкой и, поправляя мундир, поднялся и присоединился к гостям.

Соколов приносил искренние поздравления Катерине и

графу Эссену, когда его приметил Белозёров.

– А вот и храбрец, защищающий нас с вами от преступников! – возвестил он во весь голос, привлекая к Соколову всеобщее внимание. Белозёров подошёл, поздоровался с племянником, после чего выразил надежду в скорейшем искоренении «отвратительных нелюдей», как выразился он сам.

Соколов развёл руками.

– Ничего утешительного сообщить не могу! Утром случилось ещё одно убийство. Убили молодую девушку самым бесчеловечным способом, какое только возможно представить.

Многие, в основном женщины испытали ужас после таких слов, а вот Белозёров бросил торжествующий взгляд на Дубровина.

– Вот вам и снисходительность! Калёным железом выжигать эту нечисть. А что Крамилин? – поинтересовался Белозёров.

– Самого сегодня ограбили!

– Что вы говорите?! – поразился Белозёров.

Соколов широко заулыбался.

– Прямо на моих глазах. Смотрели на этого паренька в упор, и ничего не поняли. Подошёл, умыкнул у Крамилина бумажник и не торопясь ушёл. Спихватились, когда уже и след простыл. Крамилин как приехал, всех собрал и приказал: хоть из-под земли его мне достаньте. Злой, как чёрт на него!

Старшая из сестёр – Ольга – слушала с открытым ртом. Её эта история настолько заинтересовала, что она решилась задать вопрос.

– Как же так? Не заметили? Я бы и то заметила. А вы сыщики, и прохлопали преступника!?

Многие думали как Ольга. Да, они всегда были невысокого мнения о полиции. Но Соколов только улыбался.

– Так обчистит, что и не поймёте. Увидите красивого паренька лет двадцати, сразу прочь. Иначе вернётесь домой с пустыми карманами.

– Красивого паренька?! – недоумённо переспросил Белозёров. – Так они же все как один, с выкатанными глазами да свиным рылом.

– Необычайно хорош собой! – повторил Соколов. – Словно благородных кровей. И одет опрятно. Оттого и с такой лёгкостью карманы обчищает. Представить в нём вора невозможно. Мы не смогли понять, хотя всякого успели навидаться, а другие и подавно не смогут.

– Словить сможете? – поинтересовался Белозёров.

– Словим! Обязательно, словим! – пообещал Соколов.

На этой обнадёживающей ноте и завершили разговор о преступниках. Как-никак помолвка.

Но у Провидения в этот день имелись свои планы. Не успели Соколов с Белозёровым отойти от жениха с невестой, как совершенно неожиданно появилась графиня Кочергина. Её никто не приглашал, но она пришла.

Несмотря на высокий сан, который предписывал всем и каждому в зале подойти и приветствовать графиню, никто и с места не двинулся. Наоборот. Все стали отступать. Даже в глазах Катерины отражался ужас. Она боялась свою крёстную матушку. Виделись всего несколько раз за всю жизнь. Причиной всех этих страхов являлись те же слухи. А если кто и сомневался, так получил сейчас подтверждение. Помолвка, а она явилась в траурном платье с этим ужасным красным траурным бантом! На запястье покачивалась сумочка столь же мрачных оттенков, как и всё одеяние.

Вокруг воцарилась полная тишина. Даже веера в руках дам замерли. Графиня Кочергина направилась напрямик к Катерине. С каждым последующим шагом, та теснее прижималась к жениху.

Графиня Кочергина остановилась в нескольких шагах от крестницы и повелительным жестом подозвала её к себе. Не сразу, но Катерине пришлось подчиниться. Она освободила руку и очень медленно подошла. Взгляд отражал отчётливый страх.

– Тебе нечего меня бояться! – с необычайной мягкостью проронила графиня – Я здесь только ради тебя.

Когда Катерина подошла, она дотронулась тремя пальцами до её груди, что было расценено присутствующими как некое действие, имеющее целью приобщить невесту к своей секте. Граф Эссен забеспокоился, наблюдая за происходящим, но подойти к гостье не осмелился, равно, как и все

остальные. Графиня Кочергина убрала руку.

– Ночью я видела сон. Вещий сон. В том сне я видела твоё сердце. Оно остановилось. Двадцать лет назад я видела точно такой же сон. Только про себя.

Графиня Кочергина открыла сумочку и достала оттуда ожерелье. Десятки чудесных изумрудов, нанизанные на золотую нить, сверкали так, что в глазах рябило. От этого сияния по стенам побежали зеленоватые блики. Все так и ахнули от восторга, завидев такую красоту.

Графиня Кочергина надела ожерелье на шею Катерины.

– Это оберег. Всю жизнь берегла! Мой подарок тебе. Держи у сердца своего. Даст Господь, поможет в тяжёлые времена.

Графиня Кочергина ушла, не обращая внимания ни на гостей, на хозяев, и даже не попрощалась.

Катерину, после её ухода охватила сильная дрожь, и она никак не могла успокоиться. Ожерелье жгло шею и грудь. Она подняла руки, чтобы снять его, но внутри возникло что-то ужасное, и словно дикий зверь набросилось на неё, не позволяя этого делать. Катерина безвольно опустила руки.

Гости не спускали с неё настороженных взглядов. Они видели, что с невестой происходит нечто очень странное. От того и бочком, бочком, незаметно потянулись к выходу. Никому не хотелось подпасть под влияние ведьмы Кочергиной. А ведь она явно что-то наколдовала! Какое-то страшное заклинание, раз уж невеста трясётся как листочек на ветке.

Помолвка закончилась. Не прошло и четверти часа после ухода Кочергиной, как в зале осталась лишь семья Белозёровых с зятьями да Соколов, который вообще не верил во всю эту чушь с заклинаниями. Но Кочергина даже его впечатлила своими речами. Впрочем, вскоре откланялся и он. Служба! А за ним потянулись Маевский с Дубровиным. Жён решили оставить в родительском доме, дабы озаботились Катериной. Та чувствовала себя всё хуже и хуже. Не желая более испытывать стойкость невесты, едва державшейся на ногах, откланялся и граф Эссен, пообещав навеститься на следующий день, осведомиться о самочувствии невесты.

Сёстры отвели Катерину в её покои, раздели и уложили в постель. При этом все старались держаться как можно дальше от ожерелья.

Родители побыли рядом с ней немного, а затем, сокрушаясь, отправились обратно в зал, чтобы отдать распоряжения слугам, а заодно и решить, как отделаться от нежелательного родства. Их очень беспокоила судьба дочери после встречи с графиней Кочергиной.

Глава 6

Оберег

Сёстры расселись по краям кровати и с тревогой следили за всеми изменениями, происходящими с Катериной. Грудь с ожерельем то бурно вздымалась, то совершенно затихала. Руки лихорадочно металась по одеялу, словно что-то пытались найти. Черты лица едва ли ни поминутно отражали целую гамму разных чувств, а вот блуждающий взгляд не менялся. Глаза будто остекленели и видят нечто, невидимое остальным. Глядя на Катерину создавалось ощущение, что она потерялась и никак не может себя найти. Такое состояние продлилось не более часа. Неожиданно всё резко изменилось. И начались эти изменения с ожерелья. Катерина случайно дотронулась до него рукой. Потом отдёрнула руку, а после не только прикоснулась, но и взяла пальцами один из изумрудов и начала поигрывать с ним. Потом со вторым и третьим изумрудом. Очень скоро она уже обеими руками перебирали камни. И по мере того как она это делала на лице стала появляться... безмятежность. Она успокоилась. А потом даже приподнялась и села в постели. На губах заиграла лёгкая улыбка.

— Такое спокойствие внутри! Как будто на нашу Неву смотрю! — неожиданно призналась она, чем совершенно

обескуражила сестёр.

– Ничего такого...странного не чувствуешь? – осторожно спросила Ольга.

Катерина оттянула ожерелье от шеи.

– Потрогай! Понравится!

– Ни за что! – Ольга убрала руки за спину с таким видом, словно кто-то заставлял её дотрагиваться до ожерелья.

– Давай я! – Маша потянулась и взяла один из кристаллов пальчиками, к ужасу старших сестёр. – Ой, какие они тёплые?!

Переместившись поближе к Катерине, она начала одной рукой перебирать зелёные камушки. Да так восторженно, что и Ольга с Анастасией приобщились к игре. Очень скоро все четверо заливались весёлым смехом.

– Маменька с папенькой доктором озаботились...ожерелье снять, – пробормотала сквозь смех Анастасия, и тут случился новый приступ хохота, веселей прежнего.

– Сбежали все с помолвки от испуга! – заливаясь смехом, закричала Маша.

– Да и жених оторопел! – добавила Ольга. – На ведьмовской крестнице собираются женить.

Катерина смеялась так же весело, как и сёстры. Она сама не ожидала, что все эти ужасные слухи являются лишь выдумкой. Сколько лет боялась крёстной. От одного взгляда шарахалась в сторону. А тут ничего и в помине нет.

Прошло немало времени, пока все успокоились. Смех за-

тих, но улыбки никуда не ушли. И уж раз выпала возможность остаться наедине, следовало подумать об обряде.

Первой о нём упомянула Ольга. Анастасия пылко её поддержала. Маша устремила выжидательный взгляд на Катерину. А та отрицательно качнула головой.

– Я не смогу. Когда он поцеловал мою руку, возникло чувство отвращения. А тут сама в губы должна поцеловать. Не смогу, – она снова отрицательно качнула головой.

– Летом после свадьбы в кровать лечь придётся и ножки перед ним раздвинуть, – с философским видом заметила Ольга.

– Я не смогу...

– А кто тебя спрашивать будет?! Потом, это только в первый раз неприятно. А после свыкнешься и супругом управлять научишься.

– Нет! – с решительным видом ответила Катерина.

– Как «нет»? – возмутились в один голос Ольга и Анастасия. – Мы проходили обряд. Мы целовали своих женихов. И ты должна пройти. Мы клятву давали все. Отказываться нельзя.

У Катерины появился беспомощный взгляд.

– Может, в щёчку поцелую?

– В губы! Поцелуешь в губы! – непреклонно заявила Ольга. А Маша с Анастасией поддержали её решительными кивками. – Обряд есть обряд. Вы с Машей его исполните, как положено.

– Я готова. Только у меня жениха нет, – подала голос Ма-ша.

Три сестры разом навалились на Катерину, требуя выполнения клятвы, и одновременно восклицая: «Обряд! Обряд!»

Катерина вынуждена была уступить. А что ещё ей оставалось сделать?! Клятва есть клятва. Две старшие сестры исполнили клятву. И как бы не было неприятно, ей тоже придётся исполнить.

– Слова! Наряды! И дела! – несколько раз таинственно повторили все четыре сестры. Затем слово перешло к Ольге, как к самой старшей по возрасту и по совместительству главной распорядительницы предстоящего обряда.

– В полночь после Рождества мы приведём жениха в твои покои. Вы будете вести крамольные разговоры, а потом ты поцелуешь его в губы. Обряд будет считаться завершённым только после поцелуя. Когда настанет время, ты дашь нам знак, дабы мы могли своими глазами увидеть этот поцелуй. Пусть будет так!

Ольга протянула руку вперёд.

– Пусть будет так! – на её руку легла рука Анастасии.

– Пусть будет так! – поверх руки Анастасии легла рука Маши.

– Пусть будет так! – Катерина положила свою руку поверх всех остальных.

Приблизительно в одно время с таинством, проходившим

в покоях Катерины, Герцог пил чай в компании Казарки и деда Макара. Те болтали, о чём ни попадя, а он думал, куда завтрача пойти и где бы разжиться «Шмельками». То бишь кошельками, иль бумажниками. На рынках уже успели примелькаться. Потом, хотелось чего-то остренького, кто до него ещё не делал. Опасно? Да. Но и ощущения от выполненной работы куда приятнее.

Во время чаепития неожиданно в избу ввалился угловатый парень с оттопыренными ушами, вытянутым лицом с маленькими хитрющими глазками и неприлично длинными сапогами. Именно размер ноги и стал причиной появления прозвища Топтун. Топтун обладал не менее примечательными, виртуозными пальчиками, и мог без особого труда обчистить карманы даже самых бдительных горожан. Что с успехом и делал на протяжении последних двух лет. Они с Герцогом считались закадычными друзьями, и редко гуляли врозь. Вот и теперь по весёлому лицу гостя стала понятна цель его прихода.

– Баньку приготовь и отравки сообрази на троих. Герцог-то у нас не пьющий! – несколько грубовато бросил он Казарке.

– Чего вдруг? – отпивая чай из блюдца и не трогаясь с места, полюбопытствовала она.

Топтун причмокнул губами.

– Двух «Матрёшек» у Храмовничка прихватил. Высшей пробы. Он их из самой Сибири привёз. Не целованные ещё.

– Так прямо и не целованные? – с иронией поинтересовалась Казарка.

– Мужик рядом не стоял! Четвертной за двух отдал. К утру вернуть надо. А до того попользуем с Герцогом.

– Четвертной?! – поразилась Казарка. – Да за такие деньжата, я б тебе дюжину не целованных привела, так бы и маенько отложила на чёрный день... Где?

Топтун указал рукой себе за спину. Казарка вышла. А тот занял её место и одним глотком опорожнил остатки горячего чая.

Герцог и слова не проронил. Он вообще мало разговаривал. Не особо любил болтать. Через минуту Казарка завела в избу двух девушек с длинными косами, в полушубках и красных сапожками с пунцовыми лицами. Со всех сторон придиричиво осмотрела.

– Красавишны! – признала она. – Стоят четвертной. А ну-ка подол подыми, гляну чего у вас там.

Топтун загоготал.

– Не верит Казарка! Да не целованные они, говорю!

– Сама проверю!

Казарка заставила обеих девушек поднять юбки, а потом тут же, при всех, осмотрела укромные местечки.

– Так и есть! Не тронутые ещё! – подтвердила она после осмотра. Ну, а после, когда новоявленные девки ожидали новых пыток, усадила их за стол и начала подавать им еду, приговаривая и поучая. – Топтун с Герцогом не та швалота, с ко-

торой вам придётся знаться. Повезло на первый раз. Дальше хуже будет. Изобьют если, иль по-другому обидят, скажите про тётку Казарку и с косою в охапку ко мне. Ешьте, ешьте, а я пока баньку приготовлю, – девушки и так с аппетитом поедали всё, что им давали. Проголодались с дороги. Второй день не ели. Сами об том сказали.

Казарка пригрозила кулаком Топтуну.

– Обласкаешь их! Пусть мужскую ласку помнят, когда по рублю да по полтиной по рукам пойдут.

– А чего ему не скажешь? – Топтун покосился на Герцога.

– Он не обидит. Да и незачем. Девки-то от него глаз не отводят. На еду смотрят реже.

– Баньку топи! – огрызнулся Герцог. – А мы тут без тебя обрешим утешные дела.

Казарка, широко улыбаясь, ушла. Всё ровно так и обстояло. Гости иногда украдкой, а иногда и открыто поглядывали на Герцога. Было заметно, что он им понравился. Тот бросил виноватый взгляд на друга. Топтун махнул рукой.

– Привык уж. Любить меня всё одно будут. А, дед Макар? – он подмигнул ему. – А давай с нами с тёткой Казаркой?! Тряхнёшь бородкой на посошок!

Дед Макар начал плевать в ответ. Топтун снова загоготал. Именно загоготал. Смеяться он не мог. Только издавал горлом разные звуки как гусь.

Через полчаса Казарка забрала девок в баню. Коротко объяснила чего и как делать, а потом велела раздеться и

мыться. Когда Топтун с Герцогом пришли, обе были нагишом и выглядели радостно. Они ручками помыли своих дружков, прошлись по ним веничками из полыни, а потом и отдались со всей страстью, как и советовала Казарка.

Веселье продолжалось всю ночь. А под утро все четверо так и заснули голыми в бане.

Глава 7

Облава

В Съезжем доме 2-й Адмиралтейской тем же утром готовились взять братьев Петровских. Здесь совсем недавно расположилось сыскное отделение полиции Санкт-Петербурга.

В неубранной комнате с запачканными стенами и четырьмя высокими окнами, сплошь покрытыми инеем, выступал сам начальник сыскной полиции Пётр Андреевич Крамилин. Одиннадцать обер-офицеров полиции располагались на стульях в первых двух рядах. Следующие пять рядов занимали Околоточные надзиратели. Каждый такой надзиратель возглавлял отдельный участок города и имел в подчинение приставов, городских и дворников. Иными словами говоря, именно эти люди расследовали все значимые преступления в городе.

Крамилин говорил мягко и старался донести до своих подчинённых каждое слово. Впрочем, как и всегда в таких случаях.

– Убийство наглое и жестокое! Убийцы Гайменники. Не так часто нам удаётся вылавливать это зверьё. Поэтому необходима полная собранность. И действовать будем наверняка. Кроме всех прочих мер, установим засаду по дороге от Малинника на Сенной до Горячего Поля в районе Лиговки.

Афанасьев!

— Ваше благородь! — с задних рядов поднялся Околоточный надзиратель на вид крепкого сложения с усищами.

— Берёшь с собой двоих, и караулишь дорогу до особого приказа. После двух часов задерживаете каждого двоих мужиков, которые идут вместе. А до того времени, чтоб носа не показывали. Если упустим, к вам подойдёт подкрепление. Выполнять!

Афанасьев козырнул и поспешно бросился выполнять задание начальства.

— Далее, — Крамилин очертил рукой комнату. — Трактир на втором этаже Малинника. Братья Петровские придут туда ровно в два. Пять минут третьего мы должны всё вокруг дома перекрыть. Этим займётся мой помощник, капитан Соколов. Поручик Явский возьмёт на себя трактир. С ним пойдут восемь человек. Этого вполне достаточно. Ну, а мне достаётся Мелочная лавка на первом этаже. По нашим сведениям там есть какой-то скрытый ход. Куда, пока непонятно, но, вроде как, оттуда можно убежать. Я проверю, насколько это донесение соответствует действительности. На этом всё. Выдвигаемся прямо сейчас к Сенной площади и сидим как мыши до двух часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.